

— Твоя мать была божеством.

Это просто в голове не укладывалось. Грандлин сейчас столько наговорил, что Со Фэй не успевал всё осмыслить.

Синдри — бог природы, так? Виксанна — его дочь, а значит, тоже богиня.

Стоп, стоп... Мысли путались, хотя Со Фэй изо всех сил старался разложить всё по полочкам. В известном ему Ялансе богов не существовало вообще. Их упоминали, но они были чем-то расплывчатым и почти символическим, как вера в его прежнем мире. Их существование невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть.

Да, было Священное Древо, были артефакты, якобы дарованные божествами, но это не более чем слова. Всё это воспринималось как данность, существовавшая испокон веков. Никто не знал, откуда именно они появились, и никто не представлял, какими были изначальные расы Яланса.

Здесьние небожители и демоны, несмотря на название, не считались высшими существами в настоящем смысле слова и мало чем отличались от человеческой расы, гномов или, например, звероловцев.

Да, у них были свои особенности. Но если в одном они были сильнее людей, то в другом им уступали. Демоны, к примеру, совершенно не годились для того, чтобы действовать сообща, у них каждый был сам за себя. Небожители, напротив, отличались сплочённостью, однако их было слишком мало, а давать потомство они не могли. Каждая смерть для них становилась невосполнимой потерей, и полное их вымирание было лишь вопросом времени.

Именно так в игровом мире сохранялся баланс. Расы враждовали, сталкивались, устраивали войны, но никто не мог окончательно уничтожить другого. Силы оставались примерно равны.

А теперь Грандлин вдруг заявляет, что когда-то существовали настоящие божества. И не просто существовали, а одно из них было его матерью, а другое — дедом...

Со Фэй медленно выдохнул и вспомнил фразы «отца». Сперва он думал, что тот просто недоволен королём эльфов, зол из-за деградации своей расы, и эти слова были лишь метафорой.

Но что, если он говорил буквально?

Эльфы утратили силу, мощь, выносливость, связь с природой... Как там он сказал? Яланс поглотил их и стёр? Неужели этот мир действительно что-то отнимает?

Со Фэй поднял на Грандлина спокойный взгляд.

— Даже если Виксанна была божеством, что с того? Она всё равно умерла. Навсегда покинула этот мир. И ты к этому причастен.

— Это не так! — ответ последовал мгновенно. — Одно заклинание телепортации не могло её убить. Ты недооцениваешь силу своей матери.

Эта мысль никогда не приходила ему в голову. В памяти вдруг отчётливо всплыли слова, сказанные Маньци в лесу на окраине Валинора: «До применения запретных чар её уже что-то подкосило. Она была ранена и слаба...»

Тогда Со Фэй не придавал им значения: слишком много всего навалилось. Потом и вовсе забыл. А теперь вдруг вспомнил их отчётливо и ярко.

И действительно: если Виксанна и впрямь божество, она не должна была обессилеть из-за какого-то одного заклинания... Что с ней случилось до этого?

Со Фэй нахмурился, напряжённо пытаясь восстановить в памяти первые дни после своего появления в Ялансе. Тогда он не заметил ничего необычного. Что именно сказала ему Виксанна?

Голос Грандлина вырвал его из раздумий:

— Даже без запретных чар ей оставался всего месяц...

И эти слова, как вспышка молнии, вдруг осветили его воспоминания. «Я вовсе не собираюсь держать тебя в заточении, я лишь хочу быть уверенной, что ты не покинешь Валинор в течение месяца после наступления совершеннолетия...» Ей нужен был всего месяц. Вот что она тогда сказала.

Со Фэй застыл. Перед глазами всплыло её лицо: мягкая улыбка, спокойные и добрые серебристые глаза, во взгляде тихая, едва заметная печаль...

Виксанна уже знала, что умирает, и хотела провести последний месяц жизни рядом с сыном.

Со Фэй прожигал Грандлина взглядом:

— Даже если ей оставалось недолго, это не давало тебе права делать всё, что вздумается. Срубить Священное Древо, бросить её одну, опозорить перед всеми! Ты знал, что она умирает, и всё равно так поступил! Почему тогда просто не убил её сам?

Грандлин приоткрыл было рот, но Со Фэй не дал ему и слова вставить.

— Твоё преступление стало последней каплей. Почему ты не остался с ней хотя бы в тот последний месяц? Или моя церемония стала удобным моментом? Отличные подарки на совершеннолетие ты мне приготовил, нечего сказать! Смерть матери, предательство отца и всеобщая ненависть! — он холодно усмехнулся. — Тебе хоть раз приходило в голову, что твой сын тоже может погибнуть? Хотя... конечно приходило. Просто тебе всегда было плевать.

В этой резкой отповеди прозвучал весь гнев, что скопился в сердце Со Фэя. На самом деле он не испытывал ненависти к Грандлину: они ведь, по сути, были чужими друг другу. Но от такого равнодушия и цинизма даже его пробрало. Как можно так поступить и всё равно считать себя правым?

От этих резких слов Грандлин потемнел лицом. Он шагнул вперёд и схватил Со Фэя за ворот. В алых глазах вспыхнуло яростное пламя:

— И даже теперь ты ничего не понял!

Но Со Фэй не отступил и не дрогнул. Он смотрел прямо в глаза Грандлину, не отводя взгляда. Ему было больно за Вексанну и жаль настоящего Сайфера Эванса. И отвратительно от того, кем оказался его отец.

Несколько секунд они испепеляли друг друга взглядами, а затем Грандлин медленно произнёс:

— Если бы я этого не сделал, погибли бы не только она, ты и я. В конце концов сгинула бы вся наша раса.

Со Фэй ничего не ответил, но в его взгляде ясно читалось недоверие.

— Я уже сказал тебе: над нами нависла угроза! Но нынешнее спокойствие ослепило вас всех. — Он широким жестом указал на изображения древних эльфов. — Как думаешь, почему они исчезли? Почему не стало Синдри? И твоей матери?

— Когда Синдри начал угасать, ты только появился на свет. Мы с Вексанной обыскали весь Яланс в поисках способа его спасти, но всё было напрасно. Он был божеством природы, покровителем нашей расы. Боги не должны умирать... но его жизненная сила медленно иссякала.

— Я перепробовал всё, что мог! Но ничего не помогло. Нам с Вексанной оставалось только смотреть, как он угасает. А затем сильнеешие из нас, наши герои, наши легенды, стали слабеть и стареть один за другим. И умирали вслед за Синдри.

— Я наблюдал за этим и ничего не мог сделать. День за днём, год за годом, век за веком. Наш король считает это естественным порядком вещей. Чушь! — его голос гремел под высокими сводами зала. — Эльфы должны жить тысячами. А лучшие из нас — и вовсе

приближаться к бессмертию. Но что происходит теперь? Мы слабеем, теряем силу, умираем всё раньше!

— Виксанна была нашим последним божеством, — Грандлин помрачнел. — а теперь её тоже не стало. И всё из-за этого гиблого места! Чёртовой дыры под названием Яланс! Оно губит нас, уничтожает медленно, но неотвратно! — его взгляд горел гневом.

Со Фэй потрясённо молчал.

Грандин взмахнул рукой, и всё озарилось светом. Только теперь Со Фэй понял, что до этого видел лишь крошечную часть пространства. Они находились не в комнате, а в огромном круглом зале. Стены его украшали бесчисленные картины, на которых были изображены не только эльфы, но и люди, демоны, небожители, зверолюди и многие другие...

Он ещё не успел всё рассмотреть, когда вновь раздался голос Грандлина:

— Ты уже видел их раньше, в сокровищнице Сальвадора. Теперь они заточены там, превращённые в призраков. Не живые, но и не мёртвые.

Вспышка воспоминаний. Семь комнат, семь фигур: первородный демон-призыватель, зверолюд-маг стихии дерева, демон, владеющий чёрной магией, эльф-ассасин...

Создания, которых в нынешнем Ялансе просто не могло существовать. Сам факт их бытия ломал все законы игрового мира.

— И это касается не только эльфов. Демоны утратили чёрную магию, зверолюди почти полностью лишились магической силы, а небожители... у них больше не рождаются дети... — Голос его смягчился, став спокойнее и тише. — Фер, мы не принадлежим этому миру. Я лишь хочу вернуться домой.

А затем он твёрдо добавил:

— Мы должны уйти отсюда.

Со Фэй стоял неподвижно, не в силах сразу собраться с мыслями. Видя замешательство в его глазах, Грандлин подошёл ближе.

— Фер, я не говорю, что делаю это ради всеобщего блага, — тихо произнёс он. — Но я люблю наш народ и больше не могу видеть, как те, кто мне дорог...

— Почему ты не сказал мне раньше?

От неожиданности Грандлин осёкся. Со Фэй поднял голову, и в его серебристых глазах уже не было растерянности, лишь холодная ясность. Он сделал шаг назад, вновь отстраняясь.

— У тебя было множество возможностей рассказать мне об этом, — спокойно возразил он. — И не дать мне понять всё превратно. Но тогда ты молчал. А заговорил лишь после того, как обнаружилась моя сила. Отец... — его голос сочился ядом, — Что ты задумал?

— Грандлин, твой сын просто неподражаем, — кто-то с восхищением цокнул языком.

Стоило Со Фэю обернуться на голос и увидеть вошедшего, как внутри мгновенно вскипела ярость.

Именно он тогда, в сокровищнице, пронзил грудь Самаэля.

<http://bllate.org/book/14660/1735700>